ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Ащеулов

* * *

Я прошу – не пугайте седых журавлей,
Что в лугах, будто призраки, бродят.
Дайте им надышаться настоем полей,
Нагуляться в кругу-хороводе.
Перед тем, как подняться в туманную стынь,
Пусть купаются в дымчатых росах,
Чтоб мерещился им над безводьем пустынь
Росный блеск наших трав медоносных.
Пусть вдыхают и пьют на родимой земле
Костерков горьковатую роздымь,
Чтоб огнями степными в сырой полумгле
Им казались далёкие звёзды.
Я прошу – не пугайте седых журавлей,
Дайте сил им и духу набраться, –
Чем дороже родная земля и милей,
Тем трудней от неё оторваться.

Я был армейским журналистом

Я был армейским журналистом –
О, незабвенная пора –
Когда слова, как будто выстрел,
По-ратному в потоке быстром
Летели в жизнь из-под пера.

А чтоб слова не тратил зря ты,
А звал к победным рубежам.
Себя я жизненным зарядом
В той жизни, что кипела рядом,
Бесперебойно заряжал.

Я жил с солдатами в палатках.
Деля их скромный неуют,
И, как они, на шутку падкий.
Вносил в блокнот на тех нападки
У коих тяжелеют пятки
Когда в походах отстают.

Я с ними строил переправы,
Купался в поливах росы.
И, пользуясь газетным правом.
Достойно наделял их славой
В заметках первой полосы.

Они меня учили сметке
В водовороте ратных дней
С тем, чтобы я в моих заметках –
О переправе иль разведке –
Не щебетал, как птаха в клетке,
А был по-воински родней.

А как мила их откровенность,
Когда с наскоком петушков
На сборах лириков военных
Они искали дерзновенно
В стихах наличие стихов.

Для них всё воинское свято –
В стихах, в заметке иль в строю.
Не зря с восхода до заката
Они высот штурмуют скаты,
Чтоб, как положено солдату,
Быть стойким в истинном бою.

И вот теперь, когда я штатский,
Когда в сомнениях мечусь,
Чтобы изжить из сердца шаткость,
Я, как и прежде, по-солдатски
У них решимости учусь.

Горят хлеба

Дрожат хлеба
от орудийных вспышек
И шепчут слово страшное:
«Война!»
Горят хлеба.
Горят
и жарко дышат,
Не понимая,
в чём же их вина?
А мы идём туда,
где канонада
Вздымает клубы пыли и золы.
Голодные,
с горящей нивой рядом,
Браним нерасторопные тылы.
А на душе –
как тяжеленный камень
От скорбного призыва:
«Помоги!»
Колосья обожжёнными руками,

Склонясь, хватают нас
за сапоги.

И вот я опять под Москвою…

И вот я опять под Москвою,
Где жаром дышали бои,
Где насмерть стояли герои –
Друзья боевые мои.

Где воинский долг и присяга
В набат обращали слова:
«Ни шагу назад, ни полшага,
За нами – Москва!»

Под плитами дремлют солдаты,
Вдыхая степной аромат.
И, верно, им снятся раскаты
Боёв, что над ними гремят.

А может, им снятся победы
И в ярких огнях города.
И люди, что едут и едут
Со всех континентов сюда.

Хоть сердцу легко от причастья
К боям, что ушли далеко,
Но кровью добытое счастье
Живущим нести нелегко,

Где воинский долг и присяга
В набат обращали слова:
«Ни шагу назад, ни полшага,
За нами – Москва!»

На войне затишья не бывает…

На войне затишья не бывает.
Бой затих,
Но дело не в пальбе.
Если грохот боя убывает,
Не смолкает ненависть в тебе.

И какое к чёрту там затишье,
Если в сердце боли нет конца,
Если слышишь в тишине застывшей,
Как стучат товарищей сердца!

И огонь в душе не убывает,

Хоть и смолк противник пред тобой.
На войне затишья не бывает, –
В том затишье зреет новый бой.

* * *

О чём солдаты думают в окопах?
О неизбежной смерти? –
Никогда!
О том, что с лиц однажды смоют копоть
И по домам – на долгие года.

Но в их сердцах живут порывы Данко,
И мать-земля настолько дорога,
Что не страшась бросаются на танки
С одной лишь думой –
сокрушить врага!

Фронтовая дорога

Избита вся и вся изрыта,
Ты и печалишь, и гневишь.
Ты вся, как после тяжких пыток,
В глубоких шрамах огневых.

Бредём в пыли за ротой – рота,
А ты гудишь, а ты ревёшь.
И, может быть, за поворотом
Ты чьи-то жизни оборвёшь.

Но разве может обессилеть
Живой, над павшими скорбя,
Когда вослед глядит Россия
И ждёт победы от тебя?!

Исходный рубеж

Был день как день — безоблачный, воскресный,
Не предвещавший ни грозы, ни тьмы.
И то, что враг огнем тяжеловесным
Ударил вдоль границы повсеместно,
В глухом тылу еще не знали мы.
На травах звездно росы полыхали,
Во всю гремел оркестр наш полковой,
Наверно, потому и не слыхали,
Как нарастал вдали смертельный вой.
Когда трубач нам протрубил тревогу
И мы застыли в боевом строю,
Еще не представляли — если строго —
Мы эту участь ратную свою.

Хоть каждый день с подъема до отбоя
В полях учились бою, пыль клубя,
Душою ощутив раскаты боя,
Мы как-то странно глянули в себя.
Что было там, «в себе», — не помню точно,
И нас ли в той неточности винить! —
Одно нам было ясно — край наш отчий
Без нас никто не может заслонить.
И мы пошли по огненным дорогам,
По рубежам войны — из боя в бой,
И стала изначальная тревога
Тревожною солдатскою судьбой.
И вот сейчас, сверяя путь солдата
Со всем, что свято в сердце бережем,
Я знаю точно — роковая дата
Была моим исходным рубежом.

* * *

У блиндажа сидят разведчики…

Солдат не думает о вечности,
Когда нещадно пушки бьют.
У блиндажа сидят разведчики
И фронтовую норму пьют.
И жестью кружек скупо чокаясь,
Чтоб горечь в сердце заглушить,
Роняют глухо, но отчетливо:
— За то, чтоб жить!
Смерть на войне — не оправдание,
Когда приказ разведке есть.
Все десять вышли на задание,
А возвратились только шесть.
Шестой был я.
Шестой ли, первый ли —
Подобный счет не нам вести.
Мы ощущали всеми нервами
Тех, выбывших из десяти.
И снова шли во тьму кромешную
На поиск, страхи отстраняя.
Моя погибель долго мешкала —
И проворонила меня.
И жить бы мне в тиши рассвеченной,
Благословляя свой уют,
Но в битвах павшие разведчики
Передо мной, как судьи вечные,
Вперед идущими встают.

* * *

Я Россию люблю…

Я Россию люблю

От заснеженных гор до низинок,
Где смеясь и волнуясь,
Ласкают мой взор зеленя.
Я Россию люблю
От небес и до синих росинок,
Что на утреннем солнце играют,
Неслышно звеня.
Я Россию люблю —
И восходы ее и закаты,
И лесов тишину,
И разливы стремительных рек.
Я Россию люблю
Неизбывной любовью солдата,
Потому что в боях прикипел
к ней душою навек.
Я Россию люблю!..
А она тебя? —
Кто-нибудь спросит.
Я ответить на это,
пожалуй,
навряд ли смогу.
Просто с детства люблю
уходить в звездопадную осень
и подолгу стоять одиноко
на сонном лугу.

Слово о лошадях

Завесу детства подними —
Встает ночное.
Казались лошади людьми
В ночи со мною.
Их чуть, бывало, помани —
По-человечьи
Склоняли головы они
Ко мне на плечи.
Когда я спал, они траву
Щипали рядом.
И видел я,
как наяву,
С грустинкой взгляды —
Буланых, карих, вороных,
Гнедых и чалых, —
Таких доверчиво-родных
И одичалых.
Я видел, как в разгуле дней,
Пронзая воздух,
Бросались вихрем под коней
Снега и звезды!
Я слышал, как во все концы

Моей России,
Смеясь, звенели бубенцы
В просторах синих.
Врага сминая под собой
Под гром орудий,
Летели кони в жаркий бой
Открытой грудью.
И коль боец уже без сил,
То к водопою
Конь осторожно выносил
Бойца из боя.
Другое время на Руси.
«Что — лошадь? — вторят.
По тыще лошадиных сил
В одном моторе».
Пусть эти силы в наши дни
Сошлись в едино,
И все же сложены они
Из лошадиных.
Когда ракету гулкий взрыв
Бросает в космос,
В дыму я вижу конских грив
Седые космы!

Перед боем друзья неизменно прощаются

Перед боем друзья
Неизменно прощаются,
Потому что из боя
Не все возвращаются.
И неведомо нам -
На родную сторонку
То ли сам ты придёшь,
То ль похоронка.
Подымили махрой.
Погрустили немного.
Приглушили
Растущую в сердце тревогу.
Обнялись.
Обменялись коротким «пока»
И - к переднему краю
Дорогой полка.
Он рванулся вперёд
На крутом перевале,
Где враги головы нам поднять не давали,
И, споткнувшись, угас,
Озаряя собой
Путь собратьев своих,
Продолжающих бой.
А когда отгремел

Огневой ураган,
В темноте замаячил
Могильный курган.
Две берёзы
Печально склонились над ним.
Затуманился месяц,
Печалью раним...
Скорбный запах листвы
Надмогильных берёз
В домик друга я
Ранней весною занёс.
Усадили за стол.
Подносили вина.
А в душе, как волна,
Поднималась вина -
Той вины тяжелее
Не знал я на свете.
За погибших в бою
Все живые в ответе.
А друзья по окопу,
Друзья по войне
За погибших в бою
Отвечают вдвойне.

Тишина

Мне, солдату, особых усилий не надо,
Чтобы в памяти вновь громыхала война.
Лишь закрою глаза - и в душе канонада
И в ушах, оттого, что оглох, тишина.

Тишина...
Сколько раз средь военного гула
Я мечтал, чтоб хоть часик побыть в тишине.
Тишина...
Вспоминая родной переулок,
Слышал я, как сады шелестят при луне.

Тишина...
Я не знал, что на свете дороже,
Чем пришедшая вдруг, после боя, она,
Тишина...
И осинник в предутренней дрожи,
И прильнувшая к берегу молча, волна.

А за речкой звенит, заливается лихо
Соловей, будто гимны поёт в тишине...
А когда на земле и спокойно, и тихо,
Почему тишина у людей не в цене?

Екимцев

Баллада о фотографии

Я бежал через лес к лесниковой хатёнке,
Оставляя на росных тропинках следы.
У оврага в редеющих рыжих потёмках
Я услышал: «Во-о-ды!».
Я его бинтовал. Удалялась кукушка.
Он лежал, еле-еле дыша.
Я кепчонкою воду таскал из речушки,
И поил я его, как поят малыша.
Вот уже вдалеке пулемёты утихли.
Только знал он, наверно, что ему уж не встать.
Фотографию матери голосом тихим
Он меня попросил из планшетки достать.
Он лежал на спине под столетней осиной.
Меж ветвей полыхала небес глубина.
С фотографии женщина взглянула на сына –
Поседела, окаменела она.
Чтобы сына-солдата могла она видеть получше,
Фотографию я прикрепил на сосне.
Мать осталась в глуши, в чаще леса дремучего,
С русоволосым сыном наедине.
И сегодня она за полями, за балками.
В брянском древнем лесу, как в далёком году,
Всё глядит с фотографии на лесные фиалки,
На большую упавшую в эти фиалки звезду

В самый первый день войны (Отрывок из поэмы)
Отпылал июнь…
В июле
Кровью летопись свою,
Презирая вражьи пули,
Пишут воины в бою.
Все свершив, что были в силе,
В роковые эти дни,
Нам ни званий, ни фамилий
Не оставили они.

«Нас осталось только трое», –
Кто-то вывел в свете пуль.
«Умираем, как герои».
Даты нету, лишь «Июль».
Нет, свои они прославить
Не пытались имена,
На столетия оставив
В брестском камне письмена.
Просто им сказать хотелось

Доброй Родине своей:
Все, что в их сердцах имелось,
Целиком отдали ей.

Фронт над облаками (отрывок из поэмы)
В клубах дыма солнце гасло,
Расплывался горизонт.
К скалам древнего Кавказа
Подходил суровый фронт.
Фронт, дыша горячим ветром,
Оглушая тишину,
На два, на три километра
Забирался в вышину.
На два, на три, на четыре,
До безлюдной крутизны…
На таких высотах в мире
Прежде не было войны.
Снег пылал и льды сверкали,
Но солдаты, глядя в даль,
Замерзавшими руками
На ветру сжимали сталь.
На ветру холодном дрогли,
Что все злее завывал.
Так уж вышло – по тревоге
Поднялись на перевал.
В гимнастёрках, да шинелях
Распластались на снегу.
В небесах, в крутых ущельях
Преградили путь врагу.
Фронт петлял под облаками,
Меж висячих ледников.
Красный камень, серый камень
Сверху, снизу и с боков…

Испытание
Двадцатый век, грозою опаленный,
Как ты сумел такое пережить:
В одну могилу двадцать миллионов
Под русскою березой положить?!

У безымянной высоты
У безымянной высоты
На влажном мраморе лежали
Лесные свежие цветы.

Их принесли поля и долы.
И, совершая свой полет.
Над ними золотились пчелы
И брали сладко-горький мед!

Нарыжная

Берёзовый сок
За селом берёза косы долу клонит.
А земля под нею всё о чём-то стонет.
Поседела с горя, по ночам не спится,
Страшный сорок первый ей, наверно, снится.

На стволе берёзы - пулевая рана:
Немцы здесь казнили парня-партизана.
С той поры из раны горький сок сочится
И слезою стынет на моих ресницах.

Я по селу иду с отцом

Как тих рассвет у нас в саду.
Как сини полевые дали!
Я по селу с отцом иду,
А на груди его - медали.

Они заслужены бойцом,
В них первый луч зари проснулся
Я рада, что иду с отцом,
Что он с войны домой вернулся

Знамёна реют для меня,
Молчанья тянется минута...
Отец у Вечного огня
Стоит и плачет почему-то.

Май победный
Май цветущий восходит на трон
Май победный стучит во все двери.
И голосит у хаты гармонь
За великие наши потери.
И несут к обелиску цветы,

Где сомкнули ряды ветераны.
И от светлой людской доброты
Затихают бойцовские раны.
В поредевших рядах тишина,
И, как пепел у черной воронки,
Пред глазами проходит война
В окровавленной гимнастерке,
И воскресшие лица друзей,
И победное красное знамя,
И пустые глаза матерей,
И святое: «Победа за нами!»
Полыхает Огонь на ветру.

У иконы засветят лампаду…
Я ладонь ветерана держу,
Как великую жизни награду.

ПОКЛОН ТЕБЕ, СОЛДАТ!
Солдат Второй мировой
— Запомни его сейчас!
Стоит он в строю с тобой,
Быть может, в последний раз.
Легли ордена на грудь,
Прошел он бессмертья путь
— Он юность отдал войне,
Он мир подарил стране.
ПРИПЕВ:
Поклон тебе, солдат, от всех живущих!
Не дал врагу Россию полонить.
И пусть всегда, и пусть в веках грядущих
Тебя никто не сможет победить!
Солдат Второй мировой!
— Гремит в его честь салют.
Становятся внуки в строй,
И люди цветы несут.
За птиц, что в небе летят,
За солнце над головой
Позволь мне тебя обнять,
Солдат второй мировой.
ПРИПЕВ:
Поклон тебе, солдат, от всех живущих!
Не дал врагу Россию полонить. И
пусть всегда, и пусть в веках грядущих
Тебя никто не сможет победить!

* * *
Чья-то мать стоит у обелиска.
Голову склонила низко-низко.
Краешком платка слезу смахнула,
Тяжело и горестно вздохнула.
Положила на плиту тюльпаны,
Будто бы прикрыла сыну раны.
Развязала узелок неяркий
— Сыну привезла она подарки.
Чтоб спалось спокойно ее сыну,
Высыпала землю под рябину.
В землю эту зерна посадила,
Чтоб колосья пели над могилой.
А потом сидела до рассвета,
Скорбью поливая зерна эти.
И свершилось чудо на восходе —
Под рябиной появились всходы.

Знать, желанье матери сбылось —
Сердце сына ей отозвалось.

9 мая
Я счастливый ребенок страны!
— Мой отец возвратился с войны.
За весною приходит весна,
Вновь наденет отец ордена.
И фуражку из шкафа достанет,
Выпьет стопку, погибших помянет.
И пойдём мы с отцом на парад:
Пять сестёр, двое братьев и мать.
И когда скажет речь военком,
Горло сдавит непрошенный ком,
И когда скажет речь ветеран, Т
о заноет душа, как от ран.
Прочитает стихи детвора,
Грянет марш, и взорвётся «Ура!»,
Полетит высоко над страной,
Чтоб навеки покончить с войной.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ
Кто ты был, Неизвестный солдат?
Чей ты сын, чей отец, или брат?
Может быть, ты тот самый герой,
Что мальчишкой бежал за войной?
Ты в огонь свое тело бросал,
Голодал, замерзал, но шагал.
До Победы, вот жаль, не дошел,
И домой ты, солдат, не пришел.
Припев: И в каком же бою ты упал?
— О тебе ничего я не знал.
А сегодня со мной ты пришел на парад,
Неизвестный солдат,
Неизвестный солдат.
Командир ты или рядовой —
Заслонил ты Россию собой.
И от пролитой крови твоей
Над Землей стало небо светлей.
По весне оживляет роса
Безымянных имен голоса.
И звучат они, словно набат:
— Неизвестный солдат!
Неизвестный солдат!
Припев:
И в каком же бою ты упал?
— О тебе ничего я не знал.
А сегодня со мной ты пришел на парад,
Неизвестный солдат,

Неизвестный солдат!

Романов

БОЛИТ ДУША

Теперь уже имен не вспомнить полных
Тех, кто упал во тьму на полпути –
Всех рядовых, всех гениев безмолвных,
Чьих и следов сегодня не найти.
В потоке дней, для радостей открытых,
Стал ощущать глубинней и острей:
Болит душа о каждом из убитых
Болит душа. И сладу нету с ней.
В сомнениях, порывах и затишьях,
Когда туманна даль или ясна,
Болит о всех безвременно погибших,
Болит душа – сочувствию верна.
В минуты озарений откровенных
Душа безгласно и не напоказ
Болит о всех невинно убиенных –
В былые лихолетья и – сейчас.

НАСЛЕДНИКАМ

Уходит мое поколенье,
Уходит
Один за одним,
Надежды свои и волненья
Оставив совсем молодым.
...Вчера ещё с ним
Вспоминали.
Вчера разливали вино.
Сегодня
Под звуки печали
Несу грубоватый венок.
Смотрю на лицо восковое,
Морщины на лбу и у глаз...
Содружество войсковое
Лишь смерть отнимает у нас.
Такие отмерили дали...
Они, как и жизнь, позади.
И звонкие прежде медали
Не звякнут теперь на груди.
Хранить и беречь их отныне
И детям,
И внукам дано,
Как доблести ратной святыни,
Как связи с минувшим звеном.

МАМА ИСТОВО МОЛИЛАСЬ

Молилась мама молча под лампадой,
Просила божьей милости она.

Совсем немного было маме надо:
Чтоб канула постылая война.
Чтоб муж Степан не сгинул до победы,
И – сын, которому в солдаты уходить;
Да выдюжить бы в одиночку беды,
Да огород весною посадить.
А за окном сплошная ночь гуляла
И ухала, и рушила, и жгла
Который год!
Но всё ей было мало,
И оседала на висках зола.
А Бог молитвы всё-таки услышал:
Мы, поседев, вернулись в старый дом,
И мама, радости не зная выше,
Теперь Творца молила о другом:
Чтоб ночь сплошной беды не воротилась,
Довольно тех не считанных потерь!..
Да, так, как мама истово молилась,
Никто, видать, не молится теперь.

МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК ВЕТЕРАНОВ

Встреча радостна. Горестны слова:
– И опять поубавилось нас...
Через год соберемся ли снова,
Соберемся ли все,
Как сейчас?
– Что за паника?..
– О! Медсестрица!
Дай по-братски тебя обниму...
Разровнялись морщины на лицах –
Этой встрече они ни к чему.
– Здравствуй, Федор; да здесь и
Данила!
Ну, а кто там прижух в стороне?
И запнулась. И вздох обронила:
– Ми-ха-ил, иль мерещится мне?
Погоди, Михаил, я поближе,
Я поближе к тебе подойду...
– Ты такая ж, – сказал он, –
Я вижу...
А ослеп в сорок пятом году.

ПОБЕДА

До смертного заката,
До рокового дня
Мне помнить вас, ребята,
Простившие меня -
Что выжил,
Битый, тёртый,

За вольность и стихи...
Живым прощает мёртвый
Невольные грехи.
И всё ж всю жизнь, повсюду,
Во все часы и дни
Казниться втайне буду,
Что я, а не они
Шалею от работы,
Смеюсь, люблю, грущу
И ненавижу что-то,
И на судьбу ропщу...
Не я на дне окопа
В песок и в глину вмят.
Не мне стирает копоть
С лица рукой комбат,
И под берёзой чёрной
От чёрного огня,
Фуражку скомкав скорбно,
Хоронит
Не меня,
Не я увяз в болоте,
Не я застыл в снегу,
Прописанный в пехоте,
Не счесть братвы зелёной,
Прошедшей горький путь
В десятки миллионов,
Которых не вернуть.
Не отыскать погосты,
Не вспомнить имена.
А вроде бы всё просто:
Тогда была война!
Была, была, конечно,
Да вот - зачем была?
Поныне безутешно
Скорбят колокола.
Но будет память свята!
Не сгинут навсегда -
И личная утрата,
И общая
* * *
Прифронтовая…
Зубы сжав до боли
И охлаждая угли губ росой,
Мы шли, как смерти в пасть,
В горнило боя,
Что громыхал за этой полосой,
И, верно бы, иссякли наши силы,
И кости поросли полынь-травой,
Когда б не шла за нами вслед Россия

По этой полосе прифронтовой…

Голос памятника

Переплелись незримо перепутья
Тех, кто идет и кто покой нашел. …
Я был бойцом,
И, здесь окончив путь, я
На пьедестал
В победный день взошел.
Припоминаю медленно:
Давно ли
Я к доту полз пристреленной тропой!..
Стою один Высоко
В чистом поле.
А месяцы привычной чередой
Спешат, летят, выстраиваясь в годы,
С небытием сливаясь вдалеке…
Тревожно
От свинцовой непогоды
Иль от росы холодной на виске.

Богатыри

Воскресни трижды,
Тридцать раз умри –
Во славу и величие России!..
Смотри: они живут,
Богатыри,
Что недругов, как злой бурьян, косили;
Их осыпали стрелами не раз,
Секирами калеными рубили.
Но вновь и вновь в урочный грозный час
Они на помощь Родине спешили.
Помяты их шеломы и щиты,
Под сердцем продырявлены кольчуги.
Но их мечи остры, колчаны не пусты,
И тишина царит по всей округе.
Не затуманит страх и боль глаза,
А руки впредь не обретут покоя.
Заврачевала раны их гроза
Прохладным ливнем, как живой водою.
Во все века, как те богатыри.
Пока планета наша дышит жизнью,
Воскресни трижды,
Тридцать раз умри
Во славу и величие Отчизны.

Письмо старшего брата

Пришло письмо с войны от брата старшего –
«На младшего».

Как в ясный полдень гром:
От старшего,
Холодным прахом ставшего,
Поскольку был убит – в сорок втором.
Военных дней посланье треугольное
В теперешний конверт заключено.
Держать его в руках сейчас не больно ли?
Тем более – дошло
Одно оно.
Хранит письмо необычайной участи
Не фронтовых
Десяток строк внутри:
«Братишка дорогой, ну как ты учишься?
Смотри же, маму слушайся.
Смотри.
Теперь ты там один мужик у матери.
Серега, ты на грядках посади
Бобы.
И не рисуй, давай, на скатерти.
Двор от собак плетнем отгороди…»
Короткое письмо.
Обыкновенное.
И все-таки полуслепая мать
По вечерам под шелесты застенные
Младшого робко просит почитать.
И слушает, вся замерев, и слушает
Младшого.
А ему за пятьдесят.
Овладевает теплота их душами,
Немые фотографии висят.
Отец.
И сын.
Улыбчиво открытые,
Ушли, на плечи кинув вещмешки.
У Волги да на Псковщине зарытые.
И кроме похоронок – ни строки.
Но кто достал, но где письмо покоилось,
Тетрадными линейками шурша?
И все ж спасибо, что обеспокоилась,
Что есть такая добрая душа.

Поезда сорок первого года

В хатах, избах поблекшие малость
Фото – ратной поры «салажат»,
«Это все, что от нас и осталось…»
– Молча губы парней говорят.
Захожу в эти избы и хаты.
Надеваю очки и гляжу.
И опять, пригибаясь, солдаты

К роковому бегут рубежу.
Вот сейчас на высотке запляшет,
Тишину расколов, пулемет,
И цепочку бегущую наших
На цветущей поляне сметет.
Вот сейчас над окопами вскинут
Взрывы веером бурый песок.
Вот осколки настильные мины
С визгом в чей-то ударят висок.
Под огнем наползет, завывая,
Туша танка на бешеный дзот
И крутнется, кроша и ломая,
И на жаркой земле разотрет.
Вот уронят, пыхтя, бомбовозы
Капли черные, цель отыскав,
И обмотки на белой березе
Трепыхнутся, лохмотьями став.
И в леске молодом без помехи
Фрицы, наш захватив медсанбат,
Будут плоским штыком – для утехи –
Добивать безответных ребят.
А с востока, сигналя тревогу.
Эшелоны идут – далеки…
- Вы, ребятки, куда?
– На подмогу!
– Помоги вам
Всевышний, сынки.
Так и вижу:
На запад, на запад
Паровозы дымы волокут…
И – теплушек махорочный запах.
И помеченный песней маршрут.
Как басы проводов в непогоду,
Слышу, горестно рельсы гудят
– Поезда сорок первого года
Навсегда в синеву небосвода
Развеселых увозит ребят.

Колоски

На пути увиделось когда-то
И осталось навсегда во мне:
Памятник российскому солдату
В дальней порубежной стороне.
Ватник незастегнутый бетонный,
Автомат, захваченный рукой…
Опаленный, но не покоренный
Матушки пехоты рядовой.
Голуби над ним идут кругами.
И солдат, готовый для броска,

Замер вдруг, увидев под ногами
Три ржаных веселых колоска.
Как они на каменные плиты
Поднялись?
Откуда, почему?
И какою силою налиты?
– Не дано ответить никому.
Может ветер, или руки чьи-то
Зерна с поля занесли сюда
Да щепоть земли.
И зреет жито
Утвержденьем вечного труда.
Встал солдат на пьедестале белом,
Далеко простор ему видать,
И в чужое поле шаг не сделал,
Чтобы колоски не растоптать.

Встреча девятого мая

Салют тебе, салют,
Однополчанин мой!
Смотри: года бегут,
А мы
– Хоть снова в строй…
Я рад, что ты живой,
Что наш не вышел срок.
Давай-ка мы с тобой
Обнимемся, браток.
Давай-ка, друг – солдат,
Молчание храня,
Затеплим самосад
В сторонке от Огня.
Припомни-ка, солдат,
Седины оброня,
Как много лет назад
Мы вышли из огня.
В конце второй войны,
В начале мирных лет,
Как радость тишины
За нами шла вослед.
А кто на Шпрее лег
Иль под Мукденом пал,
Печалью вдоль дорог
Шли с нами на привал,
Где небеса чисты,
Пуст позади окоп,
А с ближней высоты
Не целит «шмайсер» в лоб.
И можно отдохнуть,
Смыть гарь с лица и пот.

Да отправляться в путь
– К местам иных забот…
Мы помолчим вдвоем,
Нам не до слов сейчас.
И по глазам поймем
– Что на душе у нас,
Когда лицом к весне
Стоишь у темных плит,
Где пламя в тишине
Бесшумное горит.
И, словно до сих пор,
Через десятки лет,
На нас глядит в упор
Вся скорбь
Военных бед.
И до скончанья дней
Наказ души таков:
Не позабыть друзей
И не простить врагов.

Сляднева

Свет обелисков

Аннушка

Люблю твой бережок
С камушком,
Солдатская вдова
Аннушка.
Ну что поникла ты
Плечиком?
У бережка сидеть
Легче ли?
Вода течет, течет,
Мутится,
По ней плывет, плывет
Утица.
Роняет на волну
Перышко.
Я на тебя взгляну
Солнышком...
Люблю твой бережок
С камушком,
Солдатская вдова
Аннушка.

Ах, леса мои глубинные

Ах, леса мои глубинные!
Заплутаю среди троп...
Запевай, отец, любимую,
Чтобы душу брал озноб.

Поднимались в жизни горести,
Словно горы на пути,
У тебя хватило гордости
Ни одну не обойти.

У тебя хватило мужества
На тебя и на меня!
Пусть глаза нальются мукою
Здесь, у Вечного огня.

Ах, поля мои широкие!
Балка тянется к ручью...
Мы с тобой, отец, не робкие:
Жизнь как раз нам по плечу.

Аэродром в Брандисе

22 июня 1941 г. с этого аэродрома вылетали

немецкие самолеты бомбить советские города
...Со свастикою шли, виднелись еле
Те самолеты в чистой синеве,
Под страшный рев умолкли колыбели
На Буге, на Днепре и на Неве.

В дубовой роще не щебечет птица.
Куда деваться ей от немоты?!
Земля тут красоты своей стыдится
И прячет в травах яркие цветы.

Бабушка Арина
Бабушка Арина почернела
От годов, которые не счесть.
В пост она скоромного не ела:
— Грех большой, ведь бог на свете есть!
Мужа сняли у ворот с подводы —
На войне остался он без ног.
И опять глядела она годы
В угол тот, где на иконках бог.
Весть о смерти сына в сорок пятом
К ней пришла. Был этот день жесток.
Похоронкой жизнь ее распята.
Что же, бог, в беде ты не помог?

...Только горе отстоялось как-то,
Как-то распогодились деньки.
В палисаднике у низкой хаты
Розы и тюльпаны —как венки.

Бабушка Арина,
Сохранить бы
Мне твой взор, что так
Надрывно тих!
Черное лицо со светлым нимбом –
Все иконы
Пишутся с таких.
Будто бы хлебнули браги

Будто бы хлебнули браги:
Выкусите, нате-ка!
В опрокинутом Рейхстаге
Гомонят солдатики.
И, от радости хмелея,
Женихи да ухари
Бороды поспешно бреют,
Хвалятся сеструхами.
Да и те, кого изрядно
Укатало времечко,

При гармошке при трехрядной
Пляшут, сыплют семечки.
И немецкие гармошки
Тоже не сторонятся,
Перестроившись немножко,
С гопаком знакомятся.
А земля еще дымилась...
Нужно было мужество
Принять сразу эту милость -
Плясовую музыку.

Война - ни апреля, ни мая

Война - ни апреля, ни мая,
И сердца остуда и хилость...
Зачем же, скажите на милость,
О ней все пишу я - не знаю.
Она мне самой надоела!
Я жгу безотцовщину в строчках,
Я рву испытания в клочья,
Но все - бесполезное дело.
Никто не сотрет мою память
И раны мои не залечит!
Опять мне вести о ней речи,
На землю с убитыми падать...
Войны опостылел мне холод.
Хотя б отпустила немного!
Но нет же, стоит у порога,
Стоит, никуда не уходит.

Воспринимали жизнь

Воспринимали жизнь
Как милость,
У жизни стоя на краю.
Увиделись
И — удивились,
Что оба выжили в бою.
Нечаянной
Не веря встрече,
Слезами прерывая смех,
Прошли они
В тот долгий вечер
Немало отдаленных вех.
И всех погибших Воскресили,
И выпили за них
до дна...
В бою спасенная Россия
Лежала пашней у окна.

Второго мая в полдень

Второго мая в полдень у Рейхстага,
Как все – к стене поставив автомат,
Увидев над собою древко с флагом,
Солдат на плиты был свалиться рад.
Не отослав домой желанных строчек,
Он погрузился в громовые сны
И отсыпался сразу за все ночи
На тех обломках Мировой войны.
А рядом с ним бойцы и командиры
Уснули тоже.
И на их губах
Светилась первая улыбка мира,
От той улыбки онемел Рейхстаг.

Давно миновала пора

Давно миновала пора
Жарких битв и походов.
Течет борозда черной речкой,
Волнуясь, к восходу.
В ударном труде соревнуясь,
Поют трактористы.
На травах осенних
Тяжелые росы искристы.
Родная Отчизна,
Могучая ныне держава!
В годину лихую
На горькой слезе удержалась,
На подвигах неисчислимых
Погибших героев,
Укрытых заботливо всюду
Землицей сырою.
Течет борозда.
Я возьму ком земли,
А в нем пепел...
Восход над Отчизной,
Как ты обжигающе светел!
И, щурясь, глядят на меня
Русокудрые деды,
Которые славой приблизили
Праздник Победы.
Которые были Россией -
Россией остались.
И в миг свой последний
Родным небесам улыбались.

Деду чем-то помогали

Деду чем-то помогали
Степи, тропки отчие...
Выли бабы за стогами:
Матери и дочери.
А отец в сыром окопе,
Не знаком с осечкою,
Все «рассказывал» Европе
Про лужок над речкою.
У ложбинки в спелой охре
Схоронил товарища...
И не мог вздохнуть и охнуть -
Сердце жгли пожарища.
За Победу было пито.
За окно с геранями.
А земля была разбита,
И душа изранена.

Закурили, сняли шапки

Закурили, сняли шапки
У дощатого крыльца,
Зарумянились солдатки
От забытого словца.
Опрокинули вчерашний
Неподъёмный горький день,
Можно думать и про пашню,
И про сломанный плетень,
И про домик обветшалый,
И про лампу-светунец,
И про то, что на кошаре
И в помине нет овец.
…Можно, отыскав отвагу,
Ледяной покров сломав,
Возвратить, как твёрдость шагу,
Нежность – трепетным словам.

Камень
Изувечен он пулями весь,
Не отыщется гладкого места...
Сыновей мать оплакала здесь
И с любимым простилась невеста.
Подступить не решилась река.
И туман над ним в клочья разорван.
Не базальт, не гранит,
но века
Охраняет он наши просторы.

От росы ль он горит поутру,
От слезы ль, что копилась годами?
...Мне б у жизни
стоять на ветру
С дивной крепостью этого камня.

Камышовая крыша

Нарядилась опять наша улица к маю.
Побелены известью даже сараи...
Из железа и шифера новые крыши,
Гребешки петухов озорнее и выше.
А на улице нашей есть хата одна -
Далеко камышовая крыша видна...
В этой хате живет одиноко вдова.
Ей в совхозе дают уголек и дрова.
Предлагали и крышу не раз перекрыть,
Но об этом напрасно с вдовой говорить.
«Не кладите, – ответит, – на сердце мне
камень,
Мне покрыл ее Ваня своими руками...
Сам нажал камыша и снопов навязал...»
И замолкнет – не в силах перечить слезам.
Тут уже не нужны никакие слова...
«Постоит еще крыша», – добавит вдова.

Колокольный звон

Колокольный звон, колокольный звон!
Все идет на Русь враг со всех сторон.
Сеча позади, сеча впереди...
И куда ни глянь – не видать ни зги.
Колокольный звон, колокольный звон!
Это всей Руси – неумолчный стон.
У каких дорог с кем сегодня Бог?
Кто там на порог выползет без ног?!
Прокатился гром, прокатился стон.
Где он, жизни край? – Здесь повсюду он.
Матушка, спаси! Матушка, спаси!
Сколько сыновей хоронить Руси?
Только что катил валом смертный страх,
А уже – могил тысячных он прах.
Дон течет, мостов нет – ни одного.
Падают – по сто. Встать – нет никого.
Чтобы воевать – силы где берут!
Чтобы отпевать – сироты идут.
Колокольный звон – вековая грусть.
Все идет орда на святую Русь!

Мимо поля проезжаю

Мимо поля проезжаю -
Быть большому урожаю.
Колосок – во всю ладонь,
Перепел – на сто ладов...
Но спасала тут меня
Наша линия огня.
Замелькали гимнастерки,
И пошли «тридцатьчетверки»,
Кто-то вскрикнул и упал -
Оттого лазорик ал...
Лейся, поле, мое, поле!
Песня, горестная доля...
Над тобой кружит июнь -
Он все так же свеж и юн.
А на поле бугорок,
Навсегда от слез промок.

Мне эта прохлада

Мне эта прохлада
Пшеничной волны,
Российские добрые
Синие льны и шрамы земли,
Плач полыни седой —
Завещаны теми,
Кто спит под звездой.

И песни мои, и рассказы о тех,
Кто падал в цветущие
Травы и в снег,
Под дождь и под звезды
Подставив ладонь...
Любви моей им
Возжигаю огонь.

На войну шли парни...

На войну шли парни – парни хоть куда!
Сиротели деревеньки, города.
Лес шумел, играло лето на дуде,
Птичьи трели затихали – ой – везде!
И покосы выгорали тут и там,
И густой туман клубился по следам.
Парни шли и шли, да все в один конец!
По следам скакал назад невидимый гонец.
И все весточки последние он вез.

На их месте колосились рожь, овес.
И курчавились березки дальних лет -
Не свидетели – участницы побед...

Над обелиском...

Над обелиском солнце светит низко.
Холодных плит касается рука.
В полях, в лесах – ни далеко, ни близко -
Плутает одинокая тоска.
Она – и взор, и слух дум материнских,
И вдовий крик: «Ты где, любимый мой?».
Над обелиском солнце светит низко,
А если дождь пойдет – сплошной стеной.
По всей России ходят обелиски -
Свидетели тех огненных годов.
И светят, словно белые записки -
Со всех бесчеловечных тех фронтов.

Не дай мне, жизнь, обезголосеть

Не дай мне, жизнь, обезголосеть,
Не дай мне равнодушной стать…
Горят тяжелые колосья,
Солдат в атаках пули косят,
И с похоронкой никнет мать.

Не дай мне, жизнь, обезголосеть
Средь стыни ладожского льда...
Что он пустой глазницей просит?
О чем у тропок и у просек
Кричит латунная звезда?

Не спрашивай, сынок...

Не спрашивай, сынок, какой была война!
У бабушки своей возьми ты ордена.
С тех пор как военком их в дом принес,
Она слепа, слепа она от слез!
Не спрашивай, сынок, какой была война!
Зима России – это холод, седина
И сыновей ее, и дочерей,
Которые и верою, и правдою,
И честью всей
Служили только ей!
Не спрашивай, сынок,
Какой была война...

Никогда такого не бывало

Никогда такого не бывало,
Чтоб не слово видела, а слог,
Над своею лишь бедой рыдала
И от окрика сжималась бы в комок.
Просто о себе я забывала
И вблизи искать не смела брод:
Разве без меня на свете мало
Слез людских, печалей и невзгод?!

Ничего не забыли мы

Ничего не забыли мы
И ничего не простили...
Стлалась ночь за окном,
И метались обрывки дорог.
Путь от Волги до Эльбы
Не галькой мы белой мостили!
Где бои прогремели -
Все кости и чертополох.
Путь от Волги до Эльбы
Еще под ногами дымится.
Ни тепла, ни жилья!
На столетия он оскудел.
Как печеные яблоки,
Сморщились черные лица
Нерожавших солдаток
И старых неласковых дев.

Ничего, ничего отойду как-нибудь

Ничего, ничего отойду как-нибудь
От удавки-тоски и кромешной обиды,
И упрёк заглушу, и к воротам не выйду –
Для случайных гостей моё время всё вышло.
И вдали пропадает невидимый путь.
Ничего, ничего, вновь гроза отгремит,
А зайдётся ль рыданьем опять – неизвестно.
Ей в пределах моих, может быть, стало тесно…
Я стою пред всем и земным, и небесным,
И опять что-то сердце щемит и щемит.
Ничего, ничего, ничего, что весна
Меня крылышком даже не зацепила,
Но какая-то держит на плаву меня сила,
Хоть давно уже я не умна, не красива,
И мне кажется только, что я в мире одна.

О войне стихи я не пишу…

О войне стихи я не пишу,
И в слова о смерти не играю –
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошку умираю.
Жизнь поит меня живой водой,
Радует весенним благовестом…
Я лежу под каждою звездой
И под каждым холмиком
Безвестным.
Зацветают каждый год цветы,
Каждый год снега в округе тают…
И стоят солдатские кресты,
А за ними Родина святая.

Отцов день рожденья девятого мая

Отцов день рожденья девятого мая.
Ну надо ж вот так угадать!
О том, как пришел он с войны, вспоминает
Его поседевшая мать.
А взгляд у отца по-мальчишечьи светел,
Доверчиво миру открыт.
Задавит цигарку,
посыплется пепел —
Увидится серый гранит.

Окинет он взглядом нас, разом притихших,
Когда все по чарке нальют:
— Сегодня, браточки,
все пыпьют за погибших,
А не за родившихся пьют.
Но мать его вздрогнет и с думкой иною
Свою выпьет чарку до дна:
Ведь если б не сладил он с пулей шальною
Жила бы старушка одна.

Перевал
Перевал, перевал,
Мне ль тебя не осилить?! —
Сколько раз укрывал
От врагов ты Россию?

Не ковыль, не ковыль —
Дым под зноем палящим,
Да клубистая пыль —
Вновь от конниц летящих!

Перевал, перевал...
Облака — полукругом!
Кто здесь не побывал,
Не беседовал с другом?!

Сколько лет, сколько лет
Среди травного шума
На высоком челе
Дремлет русская дума?!

Победы день

Не самолет врага, а птицы тень
Легко плывет над мирною равниной...
Как он спешил, спешил Победы день,
Бежал и полз, и падал на руины.
Вот он пришел, Победы день,
В деревни, города!
Вокруг цветень. Победы день
Желанным был всегда...
Победы день, Победы день...
Мы радуемся солнцу и весне,
Несут ветра все ароматы мая,
А тот, кто выжил, выжил на войне,
Путь боевой сегодня вспоминает.
Земля надела праздничный наряд,
Мы отстояли мирный труд в атаках,
Подолгу мы задерживаем взгляд
На обелисках и цветущих маках.
Теперь и миром, и свободою владей!
Ржавеют где-то гаубицы, мины...
Как он спешил, спешил Победы день,
Бежал и полз, и падал на руины.

Подруга

Мы бруснику горстями могли
Брать с земли, где задумчивы сосны.
И слепил пас расплывчатый блик
Ненасытного яркого солнца.
Мы отборную ягоду в рот
Отправляли, смеясь белозубо,
И нежданно наткнулись на дот,
Развороченный взрывами грубо.
И подруга моя не смогла
Не припомнить в столе похоронку.
Не брусника,
а кровь потекла,

Заполняя собою воронку.

Поколенье отцов не за страх

Поколенье отцов не за страх,
А за совесть землёй становилось,
Чтоб Россия жила не впотьмах,
Не сдавалась
На чью-нибудь милость!
Всё, что будет и было допреж
У меня дорогого, святого, –
Это память о них –
Тот рубеж
Обозначили сердце и слово!

Пролог (из поэмы «Сергиевские колокола»)

Святая Русь, в моих глазах темно! -
В тебя бросает стар и млад каменья,
Забыв про все твои «Бородино»
И пушкинское «чудное мгновенье».
Забыв твои прекрасные слова
О мужестве, о чести и о воле,
Не поклонившись храму Покрова,
Не побывав на Куликовом поле.
Им что – твои заботы и дела?!
Им что – твои горюч-ключи все – слезы!
Не им ты все погосты отдала,
Не им светили белые березы.
О Родина моя, забудь, забудь
Клеветников предательские речи!
Через века летит твой ясный путь.
Он светом звезд и глаз моих отмечен!
Мне радостно и горько в мире жить,
Ловить жар-птиц... не приняв яд злословья!
А поле Куликово, где кружит
Орел...
У моего лежит у изголовья.
Святая Русь, великой ты была!
И никогда ничьей не станешь тенью...
Сегодня все твои колокола
Вновь соплеменников
Зовут всех к единенью.

С любовью своей разминулись

Немало, немало девчонок хороших.
С любовью своей разминулись.

Состарились поодиночке...
О как тяжело приходилось им
Темною ночкой
Глядеть из окна в небеса,
Где цвели золотые горошины.
Вздыхали:
«Любимые, вас не дозваться!».
И на завалинках сидя, пели подружки.
И ласковый шепот их слышали
Только подушки!
И только во сне приходили
Любимые. Их целовали.

Семья растет

Семья растет:
Невестки две, два зятя!
Над вербою склоняется заря.
Дед на рассвете кутается зябко
И думает, что прожил жизнь не зря
А тут война.
И на четыре года
Покрыла тьма притихшее жнивье.
Невестки как опущенные в воду,
А дед им: «Ничего, переживем!»

Он дочерям заглядывает в лица
И хмурится: «Они и не они...»
А про себя: «Родимая землица,
Храни себя И свой народ храни!»
Но полегли сыны и оба зятя.
На поле сиротливое сел грач.
Дед делает свистульки для дитяти,
И в каждой, как ни пробуй,
Слышен плач.

Сирот кормила война черным хлебом
Все я иду под отеческим небом,
Все наплывает на очи мне мгла...
Сирот кормила война черным хлебом
И накормить все никак не могла.
Если б стреляла война холостыми!
Если б кормильцы вернулись домой!
Но все стояли амбары пустыми,
В них все не сыпался хлеб яровой.
Да и озимый хлеб не торопился
Лечь на столы, где был раньше пирог.
Но камелек все же где-то топился,
И мы летели к нему со всех ног.

Нам не хватало порой и похлебки.
Ну а кулеш – не найдешь днем с огнем!
Время хлестало нас жгучею плеткой -
Тем сыромятным сиротским ремнем.
Где было взять моим сверстникам бедным
Мяса на кости в той пропасти дней?!
Сирот кормила война черным хлебом
Из лебеды и каких-то корней.

Солдаты России

Я надпись читаю. Поверить не смею –
Ни дня рожденья, ни смерти дат!
«Солдат Неизвестный» – бумагой заклею
И напишу я: «России Солдат».
Сиянием солнца просторы залиты,
На мраморных плитах – сухая хвоя,
Коснулась на миг ледяного гранита
Ладошка покуда живая моя.
Солдаты России, Солдаты России!
Вы – Слава Отчизны на все времена,
Ах, как же недолго, недолго носили
Вам данные матушками имена.

Только бы снова

Только бы снова
Дышать под грозою озоном!
Кланяться в пояс и колосу, и камышу...
Я поступаю,
Подумает кто, нерезонно, —
Это лишь кажется,—
Я улыбаясь скажу.
Ясная линия,
Не затуманься, пожалуйста!
Буду идти я единственной
Тропкой из ста
Через дожди и осенние эти
Пожарища,
Только бы даль, что зовет,
Оставалась чиста.

Тускло светится

Тускло светится
Солнышко красное,
И ракита поет за мостом.
Отпеваю кого-то
И праздную,

Забываю кого-то с трудом.

Все, что было,
Куда оно денется?
Ожиданья полна, как вчера...
Пусть всегда
По родной земле стелются
Золотые мои клевера.

У братской могилы
Из двадцати тысяч советских солдат,
погибших в Берлине, пять тысяч
похоронены в Трептов-парке.
Высыпаю я горстку землицы,
Лист берёзы, слетая, кружит…
Пяти тысячам воинам снится
Незабытая мирная жизнь.
Шли последние в мае бои,
И, надеясь с бедой разминуться,
Те солдаты в посланиях своих
До сих пор обещают вернуться.
Не вернутся они, не придут,
К ветеркам, что теплынь разносили…
К Трептов-парку сегодня ведут
Все пять тысяч дорог из России.

Уже под вечер... (из поэмы «Передовая»)

Уже под вечер вернулась мама.
Осели плечи под шалью рваной:
Достаньте, дети, в мешке – картошка...
Подмороженная... немножко...
И к стенке валится, и тихо плачет.
И – к самой маленькой! Ко мне, значит...
А завтра снова, чуть только утро -
Взмахнет крылами над полем влажным,
С тревогой смутной она отважно
Пойдет навстречу грядущим болям...
А писем нет – на глазах состарится:
То вдруг слезами она зальется,
То руки стиснет, то в крик ударится:
«Когда ж – вернется?!».
А новый день заботами новыми,
Детским плачем опять наступает.
Как и везде, огневая, суровая
И здесь продолжается – Передовая.

Четыре года... (из поэмы «Передовая»)

Четыре года – четыре вечности...
Месяц голый над хатой с вечера!
Месяц – хлебом плывет скоромным.
Боимся неба и – похоронок...
У нас от голода ребра выпячивают:
Четыре года – война нас нянчила.
И все не верится – неужто завтра,
Чуть день засветится – ни стона, ни залпа...

Я – огненного времени птенец

Я – огненного времени птенец,
Опять над полем брани пролетаю
И вижу, как рассыпанную стаю
Подкашивает там и тут свинец.
Огонь разлучный гнёзда все спалил,
Обуглил птиц живое оперенье…
Господь, на что мне грустное прозрение? –
Но бог войны всегда неумолим.
О жизнь – всего прекрасного венец!
Победа мне была такой наградой.
Зачем же вновь круги земного ада,
Высвечивает память-светунец?!
Я – огненного времени птенец.
И, над землёю пролетая низко,
Где поднялись кресты и обелиски,
Вновь склёвываю жалящий свинец.